

Метафизический скептицизм Достоевского

- Какой урок преподает нам Достоевский-скептик?
- Что ценного мы можем извлечь из его скептического опыта?

Скептическое кредо Достоевского

- «Я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоило и сто́ит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И однако же Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной».

Скептическое кредо Достоевского

- Это признание, возможно, одно из наиболее показательных свидетельств открытости мышления и убеждений Достоевского. С формальной точки зрения они здесь очевидно противоречивы: он и неверующий, и христианин, и скептик, и верующий.
- Символ его веры и прекрасен, и глубок, и разумен, и мужественен, и совершенен.

Скептическое кредо Достоевского

- Самое удивительное, яркое и парадоксальное: «мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной».
- Это требует осмысления.
- Все эти кажущиеся противоречия можно объяснить с помощью принципа полифонии и плюрализма внутреннего мира Достоевского,
- открытостью его убеждений как метафизического скептика.
- Именно скептическое сознание может удерживать в поле своего интереса и веру, и неверие, и скептицизм, и символ веры, и мучение, и спокойствие.

Скептическое кредо Достоевского

- Но самое удивительное в этом признании – предпочтение Богочеловека истине.
- Нельзя не видеть в этом факте фундаментального выбора, **религиозно-гуманистического** предпочтения Достоевского:
не идея, не учение, не истина, а Богочеловек.

Скептическое кредо Достоевского

- Человечность Христа, его человеческая, а не только божественная природа, указывает нам на основание того предпочтения, которое и высказывает Достоевский.
- Да, человек и тем более Богочеловек дороже истины и всех царств мира.
- Это – не отрешенная от человека и людей вера в Творца, Бога-Отца, Бога-Духа или Святую Троицу, а любовь и вера во Христа как Нового Адама, вера, которая оставляет Достоевского с нами, с человеком, которым он дорожил больше всякой спасительной идеи и даже райского блаженства.

Скептическое кредо Достоевского

- Достоевский – великий антрополог. Его антропология не богословская, а
 - скептико-философская,
 - плюралистическая,
 - экспериментальная,
 - не дающая однозначного ответа на многие фундаментальные вопросы о сущности, смысле и существовании человека перед лицом другого, общества, природы, Бога и даже перед «лицом» его отсутствия.

Скептическое кредо Достоевского

- Обнаруженный Достоевским хаосо-космос внутреннего мира человека сделал его одним из первых открытых и бесстрашных носителей плюрализма идей, нравственных, религиозных, гуманистических, социальных и политических вселенных.
- Он стал первооткрывателем **внутреннего плюрализма** индивида.
- Достоевский – великий скептик, мятущаяся душа, редкий тип мыслителя в отечественной философской традиции. Он побуждает нас самостоятельно и ответственно думать о человеке, о самом себе, будит разум и совесть, укрепляет ответственность и мужество быть собой, быть человеком – человеком свободы.
- «Человеку надо - одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и

Скептическое кредо Достоевского

- Сложность феномена Достоевского в том, что он – **моноплюралистическая** личность.
- Это означает, что он, установил и сохранял **дистанцию свободы** между собой как личностью (моно) и многообразными содержаниями своего внутреннего мира («плюро»).
- Он оперировал и управлял многими идеями и мировоззрениями в поисках не только Бога, добра, справедливости и правды, но прежде всего человека как такового, изначально свободного от всего и вся, в том числе и от Бога.

Скептическое кредо Достоевского

- Достоевскому страстно хотелось разгадать «тайну» человека, докопаться до него как такового, беспримесного, безосновного, «беспочвенного», т. е. еще не обремененного и не оснащенного ни верой, ни неверием, ни религией, ни атеизмом, попросту говоря, – никакой «основой».
- К этому «изначальному» человеку было обращено ставшее знаменитым, но плохо осмысленным, утверждение-предположение Достоевского: если Бога нет, то все позволено.

Скептическое кредо Достоевского

- «Подпольный человек» стал для Достоевского проводником вглубь самого себя. Это было нисхождение/восхождение, на пути которого его поразила приоткрывающаяся тайна человеческого существования.
- Открывшиеся в подполье «парадоксы» были столь необычны, что ему пришлось даже давать «задний ход»: оправдываться, осуждать своего героя – настолько необычным он показался ему самому.
- Задолго до написания повести Достоевский писал брату Михаилу: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»

Скептическое кредо Достоевского

- На завершающем этапе своего жизненного пути Достоевский, уже обвыкнувшись в своём новом положении, говорил о подпольном человеке совсем другое:
- «Подполье, подполье, *поэт подполья* – фельетонисты повторяли это как нечто унижительное для меня. Дурачки. Это моя слава, ибо тут правда... Причина подполья – уничтожение веры в общие правила»*.
- Позже «уничтожение веры в общие правила» Л. Шестов обозначил как преодоление власти идей, особенно моральных и философских, как обретение дерзновения и свободы, возможности жить и творить без оглядки, по своей свободе.

*Достоевский Ф. Полн. собр. соч. – Т. 16. С. 330.

Скептическое кредо Достоевского

- Лев Шестов, с таким проникновением писавший о Достоевском, все-таки, излишне драматизировал ситуацию и спрямил сложную траекторию динамики философской веры писателя.
- Он полагал, что Достоевский до конца жизни был поражен страхом и отчаянием, вызванными перерождением убеждений и не решался явиться с ними пред людьми.
- Он полагал, что этот каторжный и «подпольный» опыт, замешанный на бессмыслице и абсурде, составляет «философию трагедии» писателя, и чтобы убежать от нее, он «постоянно имел в запасе показные идеалы, которые он тем истеричнее выкрикивал, чем глубже они расходились с сущностью его заветных желаний и, если хотите, с желаниями всего его существа».

Скептическое кредо Достоевского

- Нет, Достоевский распорядился своим опытом трагедии мудрее и плодотворнее.
- Его великие романы, последовавшие за «Записками из подполья», и есть передача нам опыта открытия «беспочвенного» человека как чистого существования и метафизического скептицизма как орудия свободы, защиты от власти старых и «новых трихин» – религиозных и атеистических, политических и философских.

Скептическое кредо Достоевского

- ✓ Достоевский оставил нам великий пример покорения убеждений, мастерства контроля человеком содержания своего внутреннего мира.
- ✓ Он – искусный и непревзойденный образец приоритета человека по отношению к любым верованиям и теориями.
- ✓ Достоевский – гениальный властелин идей.

Скептическое кредо Достоевского

- Читая Достоевского, трудно избавиться от ощущения его постоянного желания исследовать все возможные типы убеждений.
- Его приговор обычно не только суров и непреклонен. Он стремится освободиться от любого убеждения, как только чувствует его проникновение в глубины своего внутреннего мира и его проникновение в общественное сознание.
- Это желание быть свободным, боязнь запятнать себя какой-либо идеей или теорией навеивает образ человека исключительно «тонкокожего», «голового изнутри», человека – борца за свою собственную чистоту, страшась быть зараженным очередными «новыми трихинами».

Скептическое кредо Достоевского

- Сколько бы споров ни велось вокруг Достоевского, мы не можем игнорировать его собственного признания: ««Я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки»».
- Может показаться, что в «сухом остатке» мы не имеем ничего, т.е. мы «имеем» ничто и сомнение.
- Но при более внимательном взгляде...

Скептическое кредо Достоевского

- Но при более внимательном взгляде на эту упорную работу по философской интроспекции, мы не можем отрицать, что за этим упорством стоит страстное желание узнать человека не как «совокупность общественных отношений» или «образ Божий», а как такового.

Скептическое кредо Достоевского

- Есть ли человек?! Есть ли у него свое Я? Свобода?
- Достоевский говорит – есть!
- Но это «есть» равномощно «нет» – особой, уходящей в бездну ничто и неизвестности **личностной основе человека**, его **потенции**, потенции свободы и жажды жизни.
- В этом глубинном мире нет никаких заведомых ответов. В ней есть отчаяние, предвкушение и наслаждение, ощущение того, что ничто – это возможность всего, ибо **ещё ничего нет**, но **ещё возможно всё**.
- И это значит, что всё ещё впереди – как накануне Первого Дня Творения.

Скептическое кредо Достоевского

- Одна из важнейших функций скепсиса – самосохранение.
- От чего?
- От содержаний внутреннего мира, грубо говоря, – от идей.
- От мира как не-Я. От того в нем, что уничтожает или использует меня, живет моей жизнью.

Бунт против власти идей, логики, законов природы, «дважды два четыре»

- Невозможность — значит каменная стена? Какая каменная стена? Ну, разумеется, законы природы, выводы естественных наук, математика.
- «...восставать нельзя: это дважды два четыре! Природа вас не спрашивается; ей дела нет до ваших желаний и до того, нравятся ль вам ее законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее так, как она есть, а следовательно, и все ее результаты. Стена, значит, и есть стена... и т.д., и т.д.».
- Господи боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся? Разумеется, я не пробью такой стены лбом, если и в самом деле сил не будет пробить, но я и не примирюсь с ней потому

Бунт против власти идеи, логики, законов природы, «дважды два

четыре»

- Именно свои фантастические мечты, свою пошлейшую глупость пожелает удержать за собой единственно для того, чтоб самому себе подтвердить (точно это так уж очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши, на которых хоть и играют сами законы природы собственноручно, но грозят до того доиграться, что уж мимо календаря и захотеть ничего нельзя будет.
- Да ведь мало того: даже в том случае, если он действительно бы оказался фортепьянной клавишей, если б это доказать ему даже естественными науками и математически, так и тут не образумится, а нарочно напротив что-нибудь сделает, единственно из одной неблагодарности; собственно чтоб настоять на своем. А в том случае, если средств у него не окажется, — выдумает разрушение и хаос, выдумает разные страдания и настоит-таки на своем!

Царство великого инквизитора

- Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: „Лучше поработите нас, но накормите нас“.
- Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немыслимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики.

Царство великого инквизитора

- Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться.
- Забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно *все вместе*.

Царство великого инквизитора

- Мы исправили подвиг твой и основали его на *чуде, тайне и авторитете*. И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят наконец столь страшный дар, принесший им столько муки.
- У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга... О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся.

Царство великого инквизитора

- Кто раздробил стадо и рассыпал его по путям неведомым? Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже раз навсегда.
- Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы.

Царство великого инквизитора

- Они станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке.
- Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить.

Шигалевщина

- Посвятив мою энергию на изучение вопроса о социальном устройстве будущего общества, которым заменится настоящее, я пришел к убеждению, что все создатели социальных систем, с древнейших времен до нашего 187... года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противоречившие себе, ничего ровно не понимавшие в естественной науке, и в том странном животном, которое называется человеком. Платон, Руссо, Фурье, колонны из алюминия, все это годится разве для воробьев, а не для общества человеческого.
- Но так как будущая общественная форма необходима именно теперь, когда все мы наконец собираемся действовать, чтоб уже более не задумываться, то я и предлагаю собственную мою систему устройства мира.

Шигалевщина

- Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю однако ж, что кроме моего разрешения общественной формулы не может быть никакого.

Шигалевщина

- Шигалев гениальный человек! Знаете ли, что это гений в роде Фурье; но смелее Фурье, но сильнее Фурье... он выдумал "равенство"!

Шигалевщина

- У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом.
- Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны.
- В крайних случаях клевета и убийство, а главное равенство.
- Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов.
- Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!
- Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами.
- Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят.

Шигалевщина

- Рабы должны быть равны: Без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства...
- Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию.
- В мире одного только недостает, послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая.
- Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности.
- Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат;
- мы всякого гения потушим в младенчестве.

Шигалевщина

- Необходимо лишь необходимое, вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители.

Василий Розанов о революции

- «Все социально-экономические теории сводятся к тезису: “Хочется мне кушать”. Что же, тезис то ведь прав. Против него “сам господь Бог ничего не скажет”. “Кто дал мне желудок, должен дать и пищу”. Космология.
- Да. Но мечтатель отходит в сторону: потому что даже больше, чем пищу, он любит мечту свою. А в революции – ничего для мечты.
- И, вот, может, лишь оттого, что в ней – ничего для мечты, она не удастся. “Битой посуды будет много”, но “новое здание не выстроится”. Ибо строит тот один, кто способен к изнуряющей мечте. Строил Микеланджело, Леонардо да Винчи, но революция всем им покажет “прозаический кукиш” и задушит еще в младенчестве, лет 11-13, когда у них вдруг покажется “свое на душе”. – “А, вы гордецы! Не хотите с нами смешиваться, делиться, откровенничать... Имеете какую-то свою душу, не общую душу. Коллектив, давший жизнь родителям вашим и вам, – ибо без коллектива они и вы подошли бы с голоду – теперь берет свое назад. Умрите”.

Василий Васильевич Розанов

Новые трихины

- Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими... никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали.
- Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки... Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг

Новые трихины

- В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться; остановилось земледелие.
- Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, - но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и все погибало.

Ф. Достоевский «Преступление и наказание»

Власть идей: новые трихины

- разве бунтовщики могут быть счастливыми?

- «Я поминутно сознавал в себе много-премного самых противоположных тому элементов. Я чувствовал, что они так и кишат во мне, эти противоположные элементы. Я знал, что они всю жизнь во мне кишели и из меня вон наружу просились, но я их не пускал, не пускал, нарочно не пускал наружу. Они мучили меня до стыда; до конвульсий меня доводили и - надоели мне наконец, как надоели!»